

- 1. Довлатов, С. Собрание сочинений: в 4 т. / С. Довлатов. – СПб., 2005.
- 2. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М., 2004. – 608 с.
- 3. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984.

М.В. Бондаренко

НЕМЕЦКИЕ И НИДЕРЛАНДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Самарский государственный университет

Взаимодействие английского языка с другими германскими языками имеет длительную историю. Однако германисты в большей степени занимались проблемами влияния английского языка на другие германские языки, чем наоборот [1]. Что же касается лексических заимствований из других германских языков в английский, то предпочтение отдается, в основном, заимствованиям современного периода [3]. В условиях смены лингвистической парадигмы проблема заимствований становится периферийной в системе лингвистических исследований, однако она по-прежнему важна для изучения этимологических характеристик лексического состава, которые весьма неодинаковы в разных германских языках.

Касаясь проблемы заимствований в английском языке, следует отметить, что исследования в этой сфере по традиции обращались к тем пластам заимствованной лексики, которые ранее уже рассматривались в лингвистической и учебной литературе – латинским, кельтским, франко-нормандским и поздним французским заимствованиям [4; 5] либо экзотизмам [2]. Относительно заимствований из других германских языков в английский можно сказать, что данная проблема до сих пор остается весьма слабо изученной, вследствие чего целый ряд слов с достаточно прозрачной этимологией маркируется лексикографическими источниками как этимологически неопределенные единицы: boy ‘мальчик’ (ср. швед. pojke < финск. pojka), booze ‘спиртной напиток’ (амер. сленг, ср. нид. boos ‘злой’), nag ‘кляча’ (ср. нид. negge ‘пони’), slut ‘неряха’ (ср. нижненем. Schlutt).

Германский лексический фонд английского языка рассматривается как нечто единое, неделимое, противопоставляемое всем прочим заимствованиям, прежде всего романским. В этом плане англистика заметно уступает этимологическим исследованиям других германских языков, в особенности скандинавских, в которых заимствованная лексика из

родственных германских языков достаточно четко выделена и структурирована [6; 7].

Более пристальное рассмотрение этимологических характеристик германского вокабуляра в английском языке свидетельствует о том, что немецкие и нидерландские лексические заимствования проникали сюда разными путями – непосредственно или опосредованно. Особо заметный корпус немецкой и нидерландской лексики проникает в английский язык в XV веке во времена Ганзейского союза. Колонисты из Голландии и Фландрии принесли в нижненемецкие земли свои диалекты, вследствие чего возникают не только многочисленные нидерландские вкрапления в нижненемецком, но и выравнивание звуковой формы многих слов. В такой унифицированной форме данные лексические единицы проникают в английский язык, получая в нем дальнейшее развитие: *to scrub* ‘тереть’ < нижненем., средненид. *schrubben*; *sod* ‘кочка’ < нижненем., средненид. *sode*; *to bluff* ‘блефовать’ < нижненем., средненид. *bluffen*; *to rumble* ‘греметь’ < нид. *rommelen*, нем. *rummeln*. Иногда немецко-нидерландская лексика попадала в английский не прямым путем, а через французский язык: *berm* ‘берег канала’, ‘обочина дороги’ < франц. *berme* < нид. *berm*, нем. *Verme*; *booty* ‘добыча’ < франц. *butin* < нижненем. *buite*, средненид. *buut*.

Немецко-нидерландская лексика рассматриваемого периода является полностью ассимилированной и весьма разнообразной по тематике. Представляется возможным выделить 12 ТГ существительных и 4 ТГ глаголов такого рода заимствований:

Существительные

- ТГ профессий, титулов, занятий: *hawker* ‘торговец с лотка’ < нижненем. *höker*, средненид. *hoken* ‘заниматься мелкой торговлей’; *fink* ‘шпион’, ‘соглядатай’ (сленг) < нем. *Fink* ‘вальяжная персона’ или *Schmierfink* ‘грязный, подлый человек’; *freebooter* ‘пират’ < нид. *vrijbuitter* ‘грабитель’; *margrave* ‘маркграф’ < средненид. *marcgrāve*, нижненем. *Markgrēve*.
- ТГ отношений между людьми: *mate* ‘приятель’ < нижненем. *(ge)mate* ‘однокашник’.
- ТГ моральных и интеллектуальных качеств людей: *nix* ‘ничтожество’ < нижненем. *nix* ‘ничто’.
- ТГ состояний, поведения: *luck* < средненид. *gheluk*, средне-нижненем. *gelücke*; *frolic* ‘веселье’ < средненид. *vrolijk* ‘веселый’.
- ТГ одежды, снаряжения: *fob* ‘кожаный ремень для карманных часов’ < нижненем. *Fobke* ‘карман’; *skate* < нид. *schaats* ‘конек’; *scoop* ‘черпак’ < средненид. *schōpe* ‘ведро’, средненижненем. *schōpe* ‘черпак’.
- ТГ строений, сооружений: *stoop* ‘крыльцо’ < средненид. *stoep*; *bulwark* ‘укрепление’ < средненижненем., средненид. *bolwerk*.
- ТГ еды: *muffin* ‘сдоба’, ‘выпечка’ < нижненем. *muffen* ‘пирожное’; *snar* ‘кусок’ < нижненем., средненид. *snappen* ‘хватать’.

- ТГ животного мира: monkey ‘обезьяна’ < средненижнем. Moneke ‘сын Мартина-обезьяны’ (сказочный персонаж); walrus ‘морж’ < нид. walrus.

- ТГ географических объектов: morass ‘болото’ < средненид. maras, marasch.

- ТГ приспособлений: boom ‘жердь’ < нид. boom ‘дерево’; kink ‘петля’ < нид. kink.

- ТГ транспортных средств: sleigh ‘сани’ < нид. slee; sloop ‘парусник’ < нид. sloep.

- ТГ мифических существ: spook ‘призрак’ < нид. spook, средненижнем. spōk.

Несмотря на тематическое разнообразие нижненемецких и ранних нидерландских заимствованных слов в английском языке, довольно трудно выделить сколько-нибудь регулярные внутренние системные связи между единицами данного слоя. Синонимические и гиперонимо-гипонимические отношения здесь носят лишь эпизодический характер: sloop = yawl ‘шлюпка’ (идеограф. синонимия); boss ‘начальник’ (гипероним) – skipper ‘начальник корабля’, ‘капитан’ (гипоним).

Гораздо чаще нижненемецкие и нидерландские существительные вступают в синонимические связи со скандинавизмами, выполняя по отношению к ним функцию вторичной номинации: mate (нижнем.) = fellow (д.-исл.) ‘соратник’, kink (нид.) = snare, hank (д.-исл.) ‘петля’, morass (нид.) = mire (д.-исл.) ‘болото’. Вероятно, определенные периферийные объекты первоначально были обозначены контактными скандинавскими заимствованиями, а позже дополнительно номинированы нижненемецкими либо нидерландскими словами. Данные процессы указывают на номинативную изменчивость в сфере обозначений понятий, находящихся за пределами повседневного обихода.

Нижненемецкие и нидерландские существительные вступают в отношения идеографической и стилистической синонимии также с исконной лексикой и словами негерманского происхождения: freebooter (нид.) = buccaneer (франц.) ‘пират’; yokel (нижнем., разг.) = hayseed (искон., разг.) ‘деревенщина’; skipper (нид.) = captain (норм. франц.) ‘капитан’; boom (нид.) = pole (норм.франц.) ‘жердь’.

В более поздние периоды в английский литературный язык был заимствован ряд существительных из литературного немецкого языка и верхненемецких диалектов. Процесс заимствования мог осуществляться:

- напрямую: dachshund ‘такса’, blitzkrieg ‘блицкриг’, ‘молниеносная война’, schnapps ‘шнапс’, glockenspiel ‘колокольная музыка’;

- через американский вариант английского языка: frankfurter ‘сосиска’, blutwurst ‘кровяная колбаса’, diener ‘лаборант’, katzenjammer ‘похмелье’, kindergarten ‘детский сад’, rucksack ‘рюкзак’;

– через идиш в американский английский, а затем в общеанглийскую лексику: *nitwit* ‘идиот’, *schlepper* ‘человек, бесплатно выполняющий тяжелую работу’, *schnook*, *schmo* ‘кретин’, ‘идиот’, *bagel* ‘бублик’.

Заемствования из современного нидерландского языка преимущественно пополняли американскую и профессиональную лексику: *boss* ‘начальник’, ‘хозяин’ (амер.) < нид. *baas* ‘хозяин’; *lugger* ‘парусник’ < нид. *logger*; *drill* ‘дрель’ < нид. *drill(l)e* ‘дыра’; *cookie* ‘печенье’ (амер.) < нид. *koekje*.

Нидерландские существительные как средненидерландского происхождения, так и современные, могли проникать в литературный английский через африкаанс (первоначально в южноафриканский английский, а затем в общеанглийскую лексику): *steenbok* ‘африканская антилопа’ < афр. *steenbok* ‘антилопа’ < ср.нид. *steenbok* ‘горный козел’; *laager* ‘лагерь’ < афр., нид. *laager*; *stoop* ‘веранда’ < афр. *stoep* ‘веранда’, ср.нид. *stoep* ‘крыльцо’.

Глаголы

Тематически глаголы, заимствованные из нижненемецкого и нидерландского языков в английский, могут подразделяться на следующие тематические группы:

– ТГ глаголов движения: *to bluster* ‘колотить’ < средненижнем. *blüstern*; *to ravel* ‘распутывать’ < ср.нид. *ravelen*.

– ТГ повседневных действий: *to scour* ‘чистить’, ‘драить’ < ср.нид. *scüren*; *to scrub* ‘тереть’ < средненижнем., ср.нид. *schrubben*; *to slurp* ‘хлебать’ < нид. *slurpen*.

– ТГ поведения: *to smuggle* ‘провозить контрабандой’ < нижнемем. *smuggeln*, нид. *smokkelen*; *to bluff* ‘блефовать’ < нижнемем., нид. *bluffen*.

– ТГ звуков: *to toot* ‘гудеть’ < нижнемем. *tuten*, нид. *toeten*, *to rumble* ‘гремять’ < нид. *rommelen*; *to yammer* ‘стонать’ < средненид. *jammeren*.

Глагольная синонимия еще менее регулярна, чем субстантивная, однако глаголы нижненемецкого и нидерландского происхождения способны вступать в синонимические отношения со словами различного происхождения:

скандинавского: *to bluster* (нижнемем.) = *to baste* (исл.) (лупить, колотить);

верхненемецкого: *to slurp* ‘хлебать’ (нид.) = *to nosh* ‘хлебать’, ‘перекусывать’ (нем. *naschen*, идиш *naschn*);

англосаксонского: *to nibble*, *to nip* (нижнемем.) = *to bite* (англосакс.) ‘перекусить’; *to scour* (нижнемем.) = *to clean* (англосакс.) ‘чистить’, ‘драить’; *to toot* (нижнемем.) = *to hoot* (англосакс.) ‘гудеть’, ‘сигнализировать’.

Проникновение глагольной лексики из нижненемецкого и нидерландского в общеанглийский вокабуляр осуществлялось, как правило, прямым путем, однако отмечаются единичные случаи поступления немецких слов

через идиш и американский английский (to nosh ‘хлебать’), а также нидерландских через африкаанс (to trek ‘путешествовать’).

Заимствование лексических единиц немецкого и нидерландского происхождения в национальные варианты английского языка, а также в его диалекты шло весьма интенсивно в эпоху заселения Северной Америки европейцами, а также и в более позднее время. В лексику английского языка США немецкие лексические единицы, как уже отмечалось выше, проникали как напрямую, так и через идиш. Существительные преобладали, однако отмечаются и глагольные единицы немецкого происхождения, не получившие распространения за пределами американского английского: to spiel ‘рассказывать’, ‘болтать’ < нем. spielen ‘играть’; to slug ‘бить’ < нем. schlagen; to schmeer ‘лстить’ < нем. schmieren ‘мазать’, ‘подмазать’. Следует отметить, что данные единицы встречаются, как правило, в сленге и не обнаруживают тенденции к функциональному расширению и проникновению в стандартный вокабуляр.

В отличие от лексических единиц немецкого происхождения в американском английском, канадизмы подобного рода заимствовались не из литературного немецкого, а из угасающих ныне диалектов г. Луненберга и г. Китченера. Такая лексика диатопически ограничена и охватывает лишь восточные региолекты Канады. Преобладающий корпус такой лексики – существительные и прилагательные: klumper ‘грубый ботинок’ < нем. Klump ‘ком’; gush ‘рот’ < нем. Guss ‘ливень’, ‘поток’, ‘поток слов’; fushlen ‘шалопайство’ < нем. диал. Fuschlen ‘шарканье ногами’; crunk ‘больной’ < нем. krank, verdutzt ‘смущенный’ < нем. verdutzt.

Немногочисленные немецкие глаголы изменяют значение по метафоре, подобно существительным: bruddle ‘нервничать’ < нем. brodeln ‘кипеть’, to fress ‘жрать’ < нем. fressen, to spritch ‘брызгать’ < нем. spritzen.

Нидерландизмы в американском английском можно классифицировать в зависимости от их функционального диапазона следующим образом:

– лексические единицы стандартного английского языка США: cookie ‘печенье’ < нид. koekje, cruller ‘булочка-рожок’ < нид. kruller, slaw ‘овощной салат’ < нид. slaа ‘капуста’, ‘капустный салат’, sleigh ‘сани’ < нид. slee, to snoop ‘совать не в свои дела’ < нид. snoeren ‘красть еду’;

– лексические единицы восточного региолекта: hay barrack ‘сарай для хранения сена’ < нид. hoi-berg ‘копна сена’, rarekak ‘чушь’ < нид. диал. ‘навоз’, waffle ‘разновидность выпечки’ < нид. wafel ‘пресное тесто’.

Нидерландская лексика канадского английского, если не принимать во внимание лексические единицы нидерландского происхождения, проникшие сюда из США, преимущественно относятся к восточным региолектам Канады и обычно отличаются в речи жителей Приморских Провинций: kruts ‘порох’ < нид. kruit, lorry ‘бурун’, ‘волна на море’ < нид. lopen ‘бежать’, hippling ‘гибкий’, ‘динамичный’ < нид. hipplen ‘скакать’.

Собственно в диалектах Британии немецко-нидерландская (франкская) лексика немногочисленна, однако такие слова охватывают практически весь диалектный ареал страны: *lear* ‘пустой’ < нем. *leer*, нид. *leeg*; *lenten* ‘весна’ < нем. диал. *Lenz*, нид. *lent*; *shape* ‘уходить’ < нем. *schaffen*, нид. *scharpen* ‘устранять’, *snell* ‘быстро’ < нем. *schnell*, нид. *snell*.

Таким образом, анализ места и роли немецких и нидерландских заимствований в лексико-семантической системе английского языка позволяет сделать следующие выводы:

– немецкие и нидерландские лексические единицы составляют довольно заметную часть вокабуляра, которую принято считать исконной в противоположность романским, кельтским и экзотическим заимствованиям;

– ранние нижненемецкие и средненидерландские заимствования в английском языке с трудом поддаются четкому разделению, поскольку часто абсолютно совпадают по форме;

– как немецкая, так и нидерландская лексика может проникать во все формы английского языка – общеанглийский вокабуляр, национальные варианты, региолекты, диалекты;

– немецкая и нидерландская лексика может проникать в английский язык прямым путем, а также через языки, генетически производные от немецкого и нидерландского – идиш и африкаанс;

– рассматриваемые единицы отличаются значительным тематическим разнообразием;

– субстантивная лексика абсолютно преобладает над глагольной, прилагательные и наречия – единичны;

– существительные отличаются более заметной парадигматической активностью, чем глаголы.

В целом следует отметить, что франкская лексика, мало дифференцированная в среднеанглийском и ранненовоанглийском, в современном английском языке совершенно четко разграничена на лексику немецкого и нидерландского происхождения, которая тем не менее, имеет много общего в том плане, что обладает весьма сходной лексико-семантической парадигматикой и отличается параллелизмом в отношении путей ее проникновения в английский язык.

Библиографический список

1. Арро, Т.А. Ассимиляция английских заимствований в современном норвежском языке / Т.А. Арро // Вопросы германского языкознания. – М.: изд-во МГУ, 1984. – С. 70-80.

2. Володарская, Э.Ф. Заимствования как отражение русско-английских контактов / Э.Ф. Володарская // ВЯ. – 2002. – №4. – С. 110-117.

3. Волохов Ю.К. Словарные заимствования, пополнившие английскую лексику в XX веке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.К. Волохов. – Киев: изд-во Киев. ун-та, 1973. – 24 с.

4. Черемисина, Т.И. Заимствование и закрепление галлицизмов в современном английском языке / Т.И. Черемисина // Вопросы лексикологии английского языка. – Вып. 110. – М.: изд-во МГПИИЯ им. М. Горького, 1980. – С. 77-88.

5. Шумова, Н.С. Иноязычные заимствования в составе новой лексики английского языка / Н.С. Шумова // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. – Калинин: изд-во Калининск. ун-та, 1984. – С. 101-106.

6. Vinje, F.E. Moderne norsk avissprek / F.E. Vinje. – Oslo, 1970.

7. Vinje, F.E. Svesismer i moderne norsk / F.E. Vinje. – Oslo, 1972.

Лексикографические источники

1. Chambers Dictionary of Etymology. – N.Y.: The H.W.Wilson Company, 2002. – 1284 p.

2. Poteet, L.G. The South Shore Phrase Book / L.G. Poteet. – Hantoport: Lancelot Press, 1983. – 108 p.

Е.С. Шевченко

А. БЛОК И РАННИЙ КИНЕМАТОГРАФ (о художественных аналогиях в искусстве)

Самарский государственный университет

Вопрос об отношении символистов к кинематографу прежде попадал в поле зрения ученых Н. Зоркой [5], Ю. Лотмана [6; 7], отчасти – И. Смирнова [12]. В работе Ю. Лотмана “Индивидуальный творческий путь и типология культурных кодов” (1970) кинематограф наряду с другими формами искусства – музыкой, театром, оперой, архитектурой и т.д., а также мифом рассматривается в качестве художественного кода поэзии Блока. Индивидуальный творческий путь Блока и вместе с ним русского символизма Лотман усматривает в последовательной смене доминирующих культурных кодов: “от давно-прошедшего времени (миф) через панхронность музыки к предельной современности кинематографа” [7: 669].

Возникновение кинематографа как явления культуры и формы искусства в конце XIX – начале XX века привело к значительным подвижкам в общей системе искусств. Рождение нового художественного языка кинематографа изменило отношения как внутри системы художественных форм в целом, так и между отдельными художественными формами. По словам Я. Мукаржовского, в то время “кино находилось в интимных отношениях (...) с драмой, с эпическим поэтическим искусством, с живописью, с музыкой” [11: 398]. Достаточно легкому вхождению кино в диалог с другими художественными формами способствовала его синтетиче-